

*Д.Р. Жантиев**

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ХОДЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ЛИВАНЕ 1860–1861 гг.

Военная интервенция Франции в сиро-ливанском регионе Османской империи в 1860 г. была предпринята по приказу императора Наполеона III с целью защиты местного христианского населения от массового уничтожения друзскими повстанцами, действовавшими при попустительстве османской администрации. Хотя присутствие французских войск в Бейруте и ряде районов Горного Ливана с «гуманитарной» миссией продлилось менее года, оно оказало заметное влияние как на международную политическую обстановку, так и на культурное взаимодействие европейцев с местным арабоязычным населением. Покровительство маронитской общине, воспринимавшейся как часть католического мира, вызывало во французском обществе надежды на установление французского протектората над Ливаном. Широкое распространение приобрела идея культурной близости маронитов к Франции, которая пропагандировалась католическими миссионерами, подогревая профранцузские симпатии среди местных христиан. В то же время по отношению к друзам и мусульманам-суннитам французы, как правило, демонстрировали недоверие и неприязнь. Французское культурное влияние в османском Ливане укрепляло конфессионализм и отчужденность между общинами, способствуя не столько проникновению европейских идей и знаний, сколько укреплению чувства собственной исключительности среди христиан-маронитов, надеявшихся на защиту со стороны Франции.

Ключевые слова: Франция, Ливан, Сирия, Османская империя, марониты, друзы, интервенция

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-240-256

Французская военная экспедиция в османский Ливан в 1860–1861 гг., предпринятая по приказу императора Наполеона III, выделяется на фоне многочисленных заморских военных интервенций Франции XIX в., благодаря своим официально заявленным целям – не захватническим, а «гуманитарным», причем от имени

** Дмитрий Рустемович Жантиев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.*

европейского «концерта держав», а не одной только Второй империи. В этом плане высадка французского экспедиционного корпуса под командованием генерала Бофора д'Отпуля¹ в Бейруте в августе 1860 г. скорее напоминает французскую интервенцию 1828 г. в Южной Греции с целью принуждения османского правительства к прекращению боевых действий против греческих повстанцев на Пелопоннесе во исполнение принципов Лондонской конвенции 1827 г. В то же время, в отличие от силового участия в решении «греческого вопроса» в 1820-е гг., в 1860 г. Франция, Великобритания и Россия, а также солидаризировавшиеся с ними Пруссия и Австрия, вмешались в ливанский кризис не с позиции оппонентов османского правительства – Высокой Порты, готовых применить оружие против войск султана, а скорее с позиции союзников Османской империи, стремящихся помочь османской армии в скорейшем прекращении кровопролитного конфликта.

Поводом для интервенции 1860 г. стала друзо-маронитская резня в Горном Ливане и антихристианский погром в Дамаске летом того же года. Политический и дипломатический аспекты событий 1860-1861 гг. в османской Сирии (включая Горный Ливан)², связанных с вводом и присутствием французских войск, достаточно хорошо изучены благодаря сохранившейся обширной базе источников³. Однако этого нельзя сказать применительно к культурному аспекту взаимодействия между французами и местным населением.

Арабоязычное население сирийских провинций Османской империи на протяжении веков было разделено конфессиональными границами не только на две основные группы – мусульман-

¹ Шарль-Мари-Наполеон де Бофор д'Отпуль (1804-1890) – французский генерал, в 1860-1861 гг. командовал экспедиционным корпусом в Ливане.

² В рассматриваемое время территория Ливана являлась частью османской Сирии (*аш-Шам*), общее пространство которого приблизительно соответствует территориям современных Сирии, Ливана, Иордании, Израиля, Палестины и ряда южных приграничных районов нынешней Турции, вместе взятым. В административном плане земли аш-Шама были разделены на несколько ялетов (провинций). Горный Ливан исторически воспринимался как особая, фактически автономная, область, территория которой номинально входила в состав двух ялетов Османской империи – Сайда и Триполи. При этом вплоть до окончания Первой мировой войны побережье сегодняшнего Ливана с городами Бейрут, Сайда, Тир и Триполи воспринималось как побережье Сирии (аш-Шам). В силу этого в источниках XIX в. французская экспедиция 1860-1861 гг. обычно называется экспедицией в Сирию.

³ См., например: *Панченкова М.Т.* Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860-1861 гг. М., 1966; *Farah C.E.* Politics of Interventionism in Ottoman Lebanon, 1830-1861. L., N.Y., 2000; *Fawaz L.T.* An Occasion for War. Civil Conflict in Lebanon and Damascus in 1860. L., N.Y., 1994.

ское большинство и христианское меньшинство. Среди мусульман, помимо суннитского большинства, особое положение занимали общины друзов, алавитов и исмаилитов, а христиане, в свою очередь, были представлены рядом конфессий, не только сосуществующих, но и порой конфликтующих друг с другом. В Горном Ливане наиболее крупными общинами были марониты⁴, составлявшие большинство населения в северных районах, и друзы⁵, численно преобладавшие в южной части горного массива. Принадлежность маронитов к Римской католической церкви делала их естественными союзниками и протекже Франции, которая начиная с XVII в. оказывала официальную протекцию католическим подданным Османской империи. В эпоху Второй империи во внешней политике Франции вновь был актуализирован религиозный аспект. Император Наполеон III искал идеологическую опору своей власти в том числе и у католической церкви, тем более что среди сельского населения и жителей небольших провинциальных городов ее авторитет во второй половине XIX столетия все еще был практически незыблемым. Не случайно императорская власть восстановила права и привилегии монашеских орденов и поощряла церковный контроль над начальным и частично средним образованием. Что же касается иезуитских колледжей, то они в эпоху Второй империи фактически конкурировали с университетами. Вполне естественно, что католическое духовенство оказывало правительству поддержку как во внутренней, так и во внешней политике. Применительно к османской Сирии это выражалось, в первую очередь, в достаточно тесном взаимодействии французских консулов и католических миссионеров, создавших

⁴ Маронитская церковь (полное официальное название: Маронитская сирийская антиохийская церковь) — древняя христианская церковь (с V в. н. э.), одна из шести Восточных католических церквей, имеет статус патриархата. Находится в юрисдикции папы римского, но пользуется собственным каноническим правом и литургическим обрядом. Большинство общин церкви находятся в Ливане.

⁵ Друзы — арабоязычная этноконфессиональная община, исторически проживающая в горных районах Ливана и Сирии, последователи особого эзотерического вероучения, возникшего на основе исмаилизма в XI в. Оценки общей численности населения территории в пределах границ современного Ливана (то есть Горного Ливана, долины Бекаа и прибрежных городов от Сайды до Триполи) в 1860 г. значительно варьируются в различных источниках: от 300 до 450 тыс. человек, из них маронитов (по разным данным) — от 225 до 300 тыс., греко-католиков (униатов) — от 11 до 15 тыс., православных — от 15 до 25 тыс., христиан других конфессий — около 10 тыс., друзов — от 25 до 45 тыс., мусульман-суннитов — до 15 тыс., мусульман-шиитов — до 10 тыс. См., например: [Rochemonteix C., de.] *Le Liban et l'expédition française en Syrie, 1860-1861. Documents inédits du Général A. Ducrot. P., 1921. P. 16-18.*

в Бейруте и ряде других городов свои колледжи и школы, в которых проходили обучение дети из многих зажиточных христианских семей⁶.

Плодами французского дипломатического и культурного проникновения в прибрежные районы Сирии, а также в Горный Ливан пользовались, прежде всего, марониты, видевшие во французах своих заморских единоверцев-католиков. Католические миссионеры (в первую очередь францисканцы и иезуиты) при поддержке Франции активизировали свою работу в Горном Ливане с XVII в., стремясь укрепить связи маронитской церкви с Римом и латинизировать ее обрядность. Образовательная и благотворительная деятельность европейских (в основном, французских) миссионеров постепенно усиливала профранцузские симпатии среди ливанских маронитов, что, в свою очередь, вызывало недоверие и зависть со стороны как османских властей, так и друзов.

Обострение друзо-маронитского конфликта⁷ весной 1860 г. и связанный с ним антихристианский погром в Дамаске⁸ в июле 1860 г. вынуждали Наполеона III к незамедлительному вмешательству в целях защиты христиан Сирии и Ливана. К 1860 г. Вторая империя находилась в зените своего могущества. Одним из его символов был Парижский мирный конгресс 1856 г., который закрепил не только военное поражение России в Крымской войне, но и усиление французского влияния на Османскую империю под предлогом защиты христианских подданных султана. Военный

⁶ К 1860 г. наиболее важными католическими миссионерскими учебными заведениями в османском Ливане были колледж иезуитов в Газире и колледж лазаристов в Антуре. Иезуиты также располагали сетью миссий и школ в Бейруте, Сайде, Захле и Бикфайе. В католических школах, семинариях и колледжах обучались сотни учеников. С 1852 г. иезуитская миссия в Бейруте располагала собственной типографией, печатавшей учебную и религиозную литературу, в том числе на арабском языке.

⁷ Напряженность в отношениях между маронитской и друзской общинами в Горном Ливане была вызвана ростом политических амбиций маронитской знати и церкви после ликвидации османскими властями автономного Ливанского эмирата (1841) и нежеланием маронитского крестьянства подчиняться традиционной власти землевладельцев-шейхов, в большинстве своем друзов. В ходе вооруженной борьбы, начатой маронитскими ополчениями против друзов в мае 1860 г., друзы оказались более сплоченными и организованными и нанесли маронитам поражение. В результате маронитское население в южных районах Горного Ливана (а также представители других христианских общин) подверглось резне.

⁸ Трагические события в Дамаске 9-11 июля 1860 г., антихристианский погром, поводом к которому стал отказ местных христианских общин от уплаты особого налога за освобождение от военной службы. В ходе резни, по разным данным, погибло от 2 до 6 тыс. местных христиан, а также несколько европейцев, был разгромлен ряд консульств европейских держав.

триумф Франции в Австро-итало-французской войне 1859 г. воспринимался в общественном сознании как реванш в отношении еще одного давнего противника Франции – Австрийской империи. Вместе с тем усиление Сардинского королевства и активизация борьбы за объединение Италии в 1860 г. ставили Наполеона III в двойственное положение: с одной стороны, Франция выступала в роли арбитра Европы, но с другой – объединение Италии вокруг Пьемонта явным образом ущемляло интересы католической церкви, в силу чего итальянская политика французского императора встречала осуждение со стороны папы Пия IX. Летом 1860 г. Наполеону III было важно успокоить тревожные настроения среди своих католических подданных и сохранить образ защитника церкви и ее паствы. В таких условиях, на фоне итальянского Рисорджименто, остановить которое Франция уже не могла, французский император не мог не воспользоваться трагическими событиями в Горном Ливане и Дамаске для организации военной интервенции в целях защиты местных христиан. Спешное прибытие французских войск к сирийским берегам для спасения маронитов, предпринятое с одобрения других ведущих европейских держав, было призвано подкрепить международный авторитет Франции и в некоторой степени отвлечь общественное внимание от итальянских событий. В этом контексте озабоченность французского правительства судьбой христиан Сирии и Ливана не следует считать неискренней, но гуманитарный характер интервенции едва ли мог скрыть ее политическую подоплеку.

Среди французских источников, освещающих ход событий интервенции 1860-1861 гг. в Сирии и Ливане, наряду с сухой военной корреспонденцией штаба генерала Бофора д'Отпуля, особое место занимает сочинение Баптистина Пужула⁹ (*Baptistin Poujoulat*) «Правда о Сирии и французской экспедиции» (*La vérité sur la Syrie et l'expédition française*), опубликованное в 1861 г. в форме писем автора – очевидца французской военной экспедиции. Будучи гражданским лицом, Пужула, по его собственному утверждению, решил сопровождать французские войска к сирийским берегам, для того чтобы исследовать и описать ситуацию на местах, а также действия Франции по спасению христианского населения. Но ес-

⁹ Баптистин Пужула (1809-1864) – французский историк и публицист консервативного католического толка, младший брат политика и литератора Жана-Жозефа-Франсуа Пужула (соавтора Жозефа-Франсуа Мишо). Совершил ряд путешествий по Малой Азии, Сирии, Египту и Месопотамии.

ли добровольность решения Пужула можно считать вполне вероятной, беспристрастным наблюдателем происходящего его едва ли можно назвать. Напротив, взгляды Баптистина Пужула, как и его старшего брата Жана-Жозефа-Франсуа, написавшего предисловие к его сочинению, демонстрируют четкую культурно-идеологическую позицию католика-консерватора. Братьям Пужула Сирия, включая Ливан и Палестину, представлялась колыбелью христианства, захваченной и удерживаемой мусульманами. Христиане-марониты характеризовались ими как «нация» и «хранители веры», а Горный Ливан, считали они, «похож на французскую цитадель на Востоке». Вмешательство европейских держав в дела Османской империи воспринималось как справедливая цивилизационная миссия¹⁰. «Есть христианская Сирия, французы по вере и будущему, и эта Сирия будет жить! Она будет жить ради нашей чести и будущего Востока. Она будет жить, потому что душа Франции никогда не покинет ее и потому что у нее есть корни в самой основе нашего патриотизма. Она будет жить, потому что уже невозможно связать ее с турецким правительством, которое было ее палачом», – восклицает в предисловии к труду своего младшего брата Ж.-Ж.-Ф. Пужула, мечтая о том, чтобы «христианское господство было установлено от Антиохии до Газы и от берегов Средиземного моря до берегов Иордана»¹¹.

Реальность, однако, не слишком оправдывала романтизированные мечтания «нового крестоносца»: высадка 6-тысячного французского экспедиционного корпуса в Бейруте в августе 1860 г., его размещение в окрестностях города и последующее выдвижение в горные районы Ливана проводилось в неизменной координации и взаимодействии с османской администрацией и войсками, то есть с уважением к суверенитету Османской империи, власти которой французские современники единодушно считали причастными к организации резни маронитов. Несмотря на боевой настрой солдат генерала Бофора д'Отпуля, распевавших при высадке на ливанское побережье боевые песни и готовых немедленно сразиться с друзьями ради спасения маронитов, военных действий как таковых французам вести не довелось. После перехода от побережья в горные районы Ливана в сентябре того же года французская пехота была расквартирована в ряде деревень, где ей пришлось «если

¹⁰ Poujoulat B. La vérité sur la Syrie et l'expédition française. P., 1861. P. XIV.

¹¹ Ibid. P. XVIII.

и не совсем перековать свои мечи на орала, то действовать в качестве каменщиков или плотников, помогая христианам восстанавливать их дома». По словам британского современника, полковника Черчилля, французы «большую часть времени проводили, поедая свои пайки и курая трубки»¹². Их главнокомандующий в основном находился в Бейруте, время от времени совершая конные прогулки по живописным окрестностям и практически игнорируя оскорбления, то и дело наносившиеся французским военным со стороны некоторых мусульман.

Отношение местного населения к французским военным и повседневные контакты с ними во многом определялись конфессиональной принадлежностью: марониты и христиане других конфессий приветствовали французов как спасителей и освободителей. Начиная с высадки войск Бофора д'Отпуля в Бейруте 16 августа 1860 г., большая толпа местных христиан встречала и сопровождала колонну французских войск, христиане добровольно помогали французским солдатам в качестве носильщиков¹³. Б. Пужула с умилением описывает поведение молодого бейрутского христианина, который, надев себе на голову кепи одного из солдат, тут же начал маршировать и выразил свое радостное желание немедленно присоединиться к французской армии¹⁴. Некоторые христиане, как мужчины, так и женщины, при виде французов прилюдно осеяли себя крестным знамением, демонстрируя свою конфессиональную принадлежность, что они традиционно не осмеливались делать в присутствии мусульман. Последних среди встречающих было совсем немного, их мрачные сдержанные выражения лиц ярко контрастировали с излучавшими радость и благодарность лицами христиан¹⁵. Не обошлось и без инцидентов в толпе: во время прохождения колонны французских войск один христианин, выразивший радость при виде французов, обратил-

¹² Churchill. Ch. H. The Druzes and the Maronites under the Turkish rule, from 1840 to 1860. L., 1862, P. 249. Об оказании французскими военными помощи маронитам Горного Ливана, пострадавшим в результате нападений друзов, в восстановлении их жилищ см., в частности, донесение генерала Бофора д'Отпуля военному министру маршалу Рандону от 26 сентября 1860 г. Фаранса ва-ль-маварина ва Любнан. Такарир ва мурасалат ал-хамля ал-фарансий аля Сурия (1860-1861). Бейрут, 1992. С. 135-136.

¹³ Abkarius I. The Lebanon in Turmoil, Syria and the Powers in 1860: Book of the Marvels of the Time concerning the Massacres in the Arab Country / Transl. by J. F. Scheltema. New Haven, 1920. P. 151.

¹⁴ Poujoulat B. Op. cit. P. 30.

¹⁵ Ibid. P. 17.

ся к стоявшему рядом мусульманину и спросил его: «Ну и что ты скажешь об этих солдатах Франции?». – «Я говорю, что они собаки!» – ответил мусульманин. Между собеседниками завязалась перепалка, на помощь мусульманину устремилась группа единоверцев, вооруженных палками, звучали оскорбления в адрес местных христиан и французов, призывы к расправе над ними. Только вмешательство османской полиции и арест нескольких подстрекателей из числа мусульман спасли ситуацию¹⁶.

Кульминацией выражения доброжелательных чувств к французам со стороны ливанских христиан стал визит во французский лагерь делегации маронитской знати: несколько десятков эмиров и шейхов из Горного Ливана, одетых в свои лучшие наряды, с богато украшенным оружием, представились французскому командующему. В торжественной речи на французском языке, адресованной генералу Бофору д'Отпулю и произнесенной от имени всей делегации одним из молодых эмиров, говорилось буквально следующее: «Главные представители маронитской нации пришли, чтобы принести вам свою присягу, выразить свое уважение и приветствовать вас и ваши доблестные войска! Как вы знаете, генерал, на протяжении веков Франция взяла нас под свою мощную защиту. Мы называемся французами Ливана, и мы правы: потому что мы являемся французами если не по происхождению, то сердцами и убеждениями. Наши руки и наши сердца – ваши: и мы счастливы, если вы сможете полагаться на нас, как на своих солдат!»¹⁷ Столь откровенное выражение профранцузских симпатий было частью продуманного политического замысла военного предводителя маронитов Йусуф-бея Карама¹⁸, надевавшегося на создании в Ливане маронитского государственного образования под французским протекторатом.

Культурные контакты многих знатных маронитских семей с французами и образование на французском языке (наряду с арабским) способствовали данным замыслам, но все же на первом плане стоял политический расчет. В то время как французы были склонны видеть в маронитах братьев по вере и едва ли не соотече-

¹⁶ Ibid. P. 26-27.

¹⁷ Ibid. P. 21.

¹⁸ Йусуф-бей Карам (1823 – 1889) – представитель маронитской землевладельческой знати, политический деятель, в 1860-1861 гг. предводитель маронитского ополчения. Был назначен главой администрации (каймакам) в северной части Горного Ливана, считается одним из основоположников идеи ливанского национализма.

ственников («ливанских французов»), сами марониты воспринимали европейских единоверцев как защитников и источник материальной помощи. Французский командующий Бофор д'Отпуль и офицеры его штаба были вынуждены рассматривать нескончаемые жалобы со стороны маронитов в отношении друзов, требования о возвращении похищенного имущества, компенсации причиненного ущерба и оказании пострадавшим материальной помощи. Французские военные, сетуя на отсутствие должного содействия и препятствия, чинимые в этом деле османскими офицерами, по возможности стремились конфисковать у друзов собственность, похищенную теми у маронитов (в первую очередь зерно, скот и материальные ценности), и вернуть ее законным владельцам¹⁹. При этом генерал Бофор д'Отпуль принципиально требовал от своих подчиненных не допускать актов мести и грабежей в отношении друзов со стороны маронитов, которые с оружием в руках сопровождали колонны французских войск²⁰.

В отличие от маронитов и шире – христиан, ливанские мусульмане и особенно друзы представлялись французам некими антиподами. Ж.-Ж-Ф. Пужула, выражая устойчивый культурный стереотип, распространенный среди его современников, практически демонизировал друзов, видя в них «палачей» и «людей без веры и закона»²¹. Его брат Баптистин, совершив в 1860-1861 гг. ряд поездок по Горному Ливану вместе с французскими военными, видел будто два Ливана – христианский и друзский – и противопоставлял один другому: «Когда мы увидели Кесруан²² с его прекрасной культурой, со своими колледжами и школами, его прекрасными монастырями и его церквями, древними памятниками религии <...> мы с великим ужасом представили себе тот хаос, который могли бы учинить здесь яростные банды, если бы они смогли проникнуть в него»²³. Трогательные сцены восторженного приема, оказанного маронитами французским войскам в Горном Ливане, где едва ли не в каждой деревне жители предлагали интервентам разместиться на постой в их домах²⁴, резко контрастировали

¹⁹ См.: донесение генерала Бофора д'Отпуля военному министру маршалу Рандону от 19 ноября 1860 г. Фаранса ва-ль-маварина ва Любнан. С. 172-177.

²⁰ Churchill Ch.H. Op. cit. P. 247.

²¹ Poujoulat B. Op. cit. P. XIV, XVII.

²² Кесруан – исторический район в северной части Горного Ливана, населенный преимущественно маронитами.

²³ Poujoulat B. Op. cit. P. 460.

²⁴ [Rochemonteix C., de.] Op. cit. P. 126.

с взаимной враждебной настороженностью между французами и друзами²⁵. При этом французские участники экспедиции, не понаслышке знакомые с ситуацией в Горном Ливане, игнорировали в своих рассуждениях то, что марониты имели подавляющее численное превосходство над друзами, а вооруженный друзо-маронитский конфликт весны 1860 г. был спровоцирован сбором маронитских ополчений вблизи районов компактного проживания друзов. Более того, ревностный католик Б. Пужула откровенно сожалеет о том, что друзы так и не решились напасть на французские войска во время их выдвижения в горные районы Ливана в сентябре 1860 г., что, по его мнению, дало бы возможность французам силой решить «сирийский вопрос» в пользу местных христиан и изгнать друзов из Горного Ливана²⁶.

Контакты французского экспедиционного корпуса с османскими военными и чиновниками, призванными содействовать наведению порядка и наказанию виновных в убийствах христиан, оставались в пределах «принужденной вежливости». Ее символическим выражением можно считать описываемую Б. Пужула церемонию, в ходе которой отряд османских солдат и военный оркестр сопровождали французские войска от места высадки в Бейруте до лагеря: «Христиане смогли увидеть принужденную вежливость, а турки – скандал для истинно верующих; солдаты ислама, в своей собственной стране выступающие в качестве проводников вооруженных христиан, прибывших сюда, чтобы наказать палачей гяуров!»²⁷ В дальнейшем, когда стало понятно, что чрезвычайный комиссар османского правительства Фуад-паша, присланный в Сирию и Ливан с войсками в целях восстановления спокойствия, на деле стремится не столько помогать французам, сколько контролировать и ограничивать их действия, участники экспедиции все чаще жаловались на «дерзость турок», ведущих себя так, как будто бы французские войска находятся у них в подчинении. Командир пехотной бригады генерал Дюкро спустя несколько месяцев после начала экспедиции выражал явное негодование в частной переписке: «Ситуация в стране мало меняется. Множество страданий и беспокойство среди христиан, великая дерзость и постоянные угрозы со стороны турок, абсолютное бездействие нашей армии»²⁸.

²⁵ *Poujoulat B.* Op. cit. P. 464-466.

²⁶ *Ibid.* P. 24-25, 466.

²⁷ *Ibid.* P. 18.

²⁸ [*Rochemonteix C., de.*] Op. cit. P. 132.

Примечательно, что в этом высказывании под «дерзостью» и «угрозами» понимается стремление Фуад-паши и его подчиненных подчеркивать османский суверенитет над Ливаном и не допускать арестов и расправ над друзьями со стороны французов и маронитов. Культурная отчужденность в отношении друзей и мусульман-суннитов, их «демонизация» в качестве якобы извечно враждебной по отношению к христианам силы, нежелание понять причины тревоги османских властей и местных мусульман в отношении маронитов и их сотрудничества с Францией, – все это заведомо препятствовало культурным контактам. На страницах сочинения Б. Пужула, пожалуй, единственным исключением из этого правила предстает доверительная беседа автора с новым наместником (вали) Бейрута Ахмед-пашой, которого французский историк характеризует как образованного и культурного человека, «единственного турка в Бейруте с добрыми намерениями в отношении христиан»²⁹.

В преимущественно мусульманском Бейруте главным «очагом культуры» для французов остается иезуитская миссия, которую Б. Пужула эмоционально называет «французским домом», призванным нести просвещение ливанским единоверцам: «Христиане Сирии, особенно католики, являются нашими телами и душами. Две религиозные конгрегации, лазаристы и иезуиты, так давно обосновавшиеся в этой стране, в последнее время внесли свой вклад в расширение нашего влияния в Сирии. Их школы, их колледжи, полны христианских детей. Изучение французского языка включено в учебную программу. В Бейруте несколько поколений христиан в возрасте от двенадцати до тридцати лет знают французский язык, и именно лазаристы и иезуиты научили их нашему языку, одновременно обучая их любить Францию и восхищаться ею»³⁰.

Надеждам французского современника на то, что арабоязычные марониты и униаты, обученные в стенах миссионерских учебных заведений, будут способствовать «окончательному триумфу европейской цивилизации в Сирии»³¹, не суждено было сбыться, но ради достижения этой цели предпринимались немалые усилия как до, так и после трагических событий 1860 г. Миссионеры сыграли важную роль в деле продвижения французских интересов в

²⁹ Poujoulat B. Op. cit. P. 32-33.

³⁰ Ibid. P. 25.

³¹ Ibid. P. 23.

сиро-ливанском регионе, особенно среди местных христиан. Не вызывает сомнения тот факт, что, помимо политических и экономических аспектов, французский империализм в XIX – первой трети XX в. также имел культурный аспект, и миссионерская деятельность была его важнейшей составляющей в контексте «цивилизационной миссии» Франции на Востоке. К 1860 г. под контролем католических миссий действовали школы во многих деревнях Горного Ливана. В большинстве из них ученики получали лишь начальное образование, а учителя были из местных христиан. Сами же католические миссионеры (как французы, так и подданные ряда других европейских государств) больше внимания уделяли учащимся семинарий и колледжей. Иезуиты и лазаристы прилагали значительные усилия ради того, чтобы привязать учеников к католической вере и защитить их от «вредных воздействий» других конфессий, а также воспитать их в духе уважения к Франции. Таким образом, миссионеры способствовали возникновению новых поколений сиро-ливанских христиан, связанных как с католицизмом, так и с французской культурой. В 1860 г. доходивший до Европы поток тревожной информации о массах христианских беженцев, стекающих в Бейрут, а также о разрушении друзьями ряда миссионерских школ побудил церковные и благотворительные организации к сбору и доставке пожертвований в Ливан под защитой французских войск. Важную роль в этой гуманитарной деятельности сыграл аббат Лавижери³², возглавлявший созданное в 1856 г. Общество восточных школ (*L'Œuvre des Ecoles d'Orient*). Благодаря его стараниям, множество христианских беженцев, покинувших свои разоренные селения и бежавших в Бейрут под защиту французов, получили гуманитарную помощь, для детей, оставшихся сиротами, были организованы приюты. По признанию современников, гуманитарный аспект французской интервенции оказался более эффективным, чем военный: облегчение страданий ливанских христиан давало им надежду на будущее, связанное с поддержкой, оказываемой Францией³³.

Решение о выводе французских войск из Ливана в июне 1861 г. разрушило надежды маронитов на создание христианского государственного образования под протекторатом Франции. Правительству

³² Шарль Лавижери (Charles Lavigerie) (1825-1892) — известный французский миссионер и богослов, первый архиепископ Алжира (с 1867 г.), кардинал (с 1882 г.).

³³ [*Rochemonteix C., de.*] *Op. cit.* P. 149.

Наполеона III под давлением со стороны Великобритании пришлось одобрить компромиссный проект урегулирования, выработанный международной комиссией в Бейруте и известный как «Органический статут» (*Règlement Organique*). Согласно ему, Горный Ливан (без Бейрута и других прибрежных городов) преобразовывался в *мутасаррифию* – особый автономный округ, губернатор которого (*мутасарриф*) назначался османским правительством из числа христиан, но не мог быть уроженцем Ливана³⁴. Эвакуация французских войск, естественно, породила сильную тревогу среди ливанских христиан. При отъезде французского главнокомандующего и офицеров его штаба их провожало едва ли не все христианское население Бейрута и многочисленные беженцы из Горного Ливана. Толпа христиан, стоя на берегу, долгое время следила за удаляющимся кораблем «Могадор», который, казалось, «увозил с собой их последние надежды». Через два дня после завершения эвакуации французского экспедиционного корпуса Фуад-паша ввел солдат османского гарнизона в покинутый французами лагерь. В присутствии чиновников и служителей ислама (алимов) все следы французского лагеря были уничтожены. По улицам Бейрута тем временем бродили группы фанатично настроенных мусульман, размахивая саблями и угрожая христианам кровопролитием. В этих событиях европейские современники видели демонстративное оскорбление Франции, совершаемое под видом укрепления османского суверенитета³⁵.

Французская интервенция 1860-1861 гг., несомненно, повысила интерес к судьбам Сирии и Ливана во французском обществе, особенно среди политической элиты, предвосхищая, в некоторой степени, установление колониального господства Франции в регионе несколько десятилетий спустя – после Первой мировой войны. Но и непосредственные итоги интервенции были важны: несмотря на уход французских войск, воспринимавшийся местными христианами с печалью, а мусульманами – с торжеством, она способствовала активизации деятельности западных миссионеров (как католических, так и протестантских) в Бейруте и Горном Ливане. Продолжавшееся оказание гуманитарной помощи десяткам тысяч христиан облегчало также и культурные контакты. После

³⁴ При мутасаррифе был создан административный совет с совещательными функциями. В его состав входили двенадцать представителей различных конфессиональных общин Горного Ливана: четверо маронитов, три друза, двое православных и по одному представителю от общин греко-католиков, суннитов и шиитов.

³⁵ [Rochemonteix C., de.] Op. cit. P. 207-210.

1860 г. католические (в основном французские) и протестантские (преимущественно американские) миссионеры, создавая новые и расширяя уже созданные учебные заведения, фактически соперничали между собой в борьбе за умы и сердца местных христиан. Французские миссионеры, с гордостью называя свою помощь христианам демонстрацией доброжелательности, в то же время рассматривали подобную помощь миссионеров из других конфессий как вызов и вмешательство. Французы-католики были убеждены в том, что именно они принесли спокойствие в регион после трагических событий в Ливане, и с подозрением относились к возрастающему влиянию протестантов – носителей еретических, с точки зрения католической церкви, взглядов. Так в эпоху роста секуляризма в Европе французское культурное проникновение в османский Ливан парадоксальным образом укрепляло религиозное самосознание маронитов, способствуя размежеванию арабоязычного населения по конфессиональным границам. Усердно изучая французский язык и литературу в стенах католических колледжей, ставя пьесы Мольера и стремясь говорить с европейцами исключительно на французском, ливанские марониты и греко-католики (униаты) под влиянием европейских наставников постепенно привыкали к осознанию собственной исключительности и особой духовной близости к Франции по сравнению с представителями других конфессий. Важным следствием формирования этого культурного стереотипа в последние десятилетия XIX в. стал рост эмиграции ливанцев (в основном христиан) в Европу и далее – в Америку в поисках безопасности и лучших экономических условий жизни. Но для большинства оставшихся на родине контакты с европейцами и новые стандарты образования не размывали традиционную культуру: гордясь французским покровительством, ливанские христиане сохраняли родовые, региональные и конфессиональные стереотипы мышления и традиции, исторически присущие сиро-ливанскому обществу.

Список литературы

Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. СПб: Типо-Литография А. Е. Ландау, 1875. [Siriya i Palestina pod tureckim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyah. SPb: Tipo-Litografiya A. E. Landau, 1875].

- Жантиев Д.Р.* Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи (конец XVIII — начало XX в.). М.: Древо жизни, 1998. [Tradiciya i modernizaciya na Arabskom Vostoke: reformy v sirijskih provincijah Osmanskoj imperii (konec XVIII — nachalo XX v.). М.: Drevo zhizni, 1998].
- Кобищанов Т.Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире (XVII — первая треть XIX в.). М.: Доброе слово, 2003. [Hristianskie obshchiny v arabo-osmanskom mire (XVII — pervaya tret' XIX v.). М.: Dobroe slovo, 2003].
- Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М.: Индрик, 2012. [Blizhnevostochnoe Pravoslavie pod osmanskim vladychestvom. Pervye tri stoletiya. 1516 – 1831. М.: Indrik, 2012].
- Панченкова М.Т.* Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860-1861 гг. М.: Наука, 1966. [Politika Francii na Blizhnem Vostoke i sirijskaya ekspediciya 1860-1861 gg. М.: Nauka, 1966].
- Родионов М.А., Сарабьев А.В.* Марониты: традиции, история, политика. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. [Maronity: tradicii, istoriya, politika. М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2013].
- Abkarius I.* The Lebanon in Turmoil, Syria and the Powers in 1860: Book of the Marvels of the Time concerning the Massacres in the Arab Country by Iskander Ibn Ya'qūb Abkārīūs / Transl. by J.F. Scheltema. New Haven: Yale University Press, 1920.
- Churchill. Ch. H.* The Druzes and the Maronites under the Turkish rule, from 1840 to 1860. London: Bernard Quaritch, 1862.
- Cloarec V.* La France du Levant ou la spécificité impériale française au début du XX' siècle // Revue française d'histoire d'outre-mer. 1996. T. 83. №313. P. 3-32.
- Farah C.E.* Politics of Interventionism in Ottoman Lebanon, 1830-1861. London, New-York: I. B. Tauris, 2000.
- Fawaz L.T.* An Occasion for War. Civil Conflict in Lebanon and Damascus in 1860. London, New-York: I.B.Tauris, 1994.
- Further Papers Relating to the Disturbances in Syria: June 1860. London: House of Commons, 1860.
- Jessup H.H.* Fifty-three years in Syria. 2 vol. New York: Fleming H. Revell Company, 1910.

- Kerr M.H.* Lebanon in the Last Years of Feudalism 1840–1868. A contemporary account by Antun Dahir Al-Aqiqi. Beirut: American University of Beirut, 1959.
- Mishaqah M.* Murder, Mayhem, Pillage and Plunder: The History of the Lebanon in the 18th and 19th Century. Albany: State University of New York Press, 1988.
- Poujoulat B.* La vérité sur la Syrie et l'expédition française. Paris: Gaume Freres et J. Duprey, 1861.
- [*Rochemonteix, Camille de*] Le Liban et l'expédition française en Syrie, 1860-1861. Documents inédits du Général A. Ducrot. Paris: Librairie Auguste Picard, 1921.
- Souvenirs de Syrie (Expedition française de 1860). Paris: Librairie Plon, 1903.
- Фаранса ва-л-маварина ва Любнан. Такарир ва мурасалат ал-хамля ал-фарансийя аля Сурия (Франция, марониты и Ливан. Доклады и корреспонденция французской экспедиции в Сирию (1860-1861)). Бейрут: Ширкат ал-матбуат ли-т-таузия ва-н-нашр, 1992. [Faransa va-l-mavarina va Lyubnan. Takarir va murasalat al-hamlya al-faransijya alya Suriya (1860-1861). Beirut: Shirkat al-matbuat li-t-tauzia va-n-nashr, 1992].

Dmitry R. Zhantiev

INTERCULTURAL CONTACTS DURING THE FRENCH INTERVENTION IN LEBANON 1860–1861

French military intervention in the Syrian-Lebanese region of the Ottoman Empire in 1860 was undertaken on the orders of Emperor Napoleon III to protect the local Christian population from mass annihilation by Druze rebels, acting with the connivance of the Ottoman administration. Although the presence of French troops in Beirut and a number of areas of Mount Lebanon with a "humanitarian" mission lasted less than a year, it had a significant impact both on the international political situation and on the cultural interaction of Europeans with the local Arab-speaking population. The patronage of the Maronite community, perceived as part of the Catholic world, aroused in French society hopes for the establishment of a French protectorate over Lebanon. The idea of a cultural proximity of the Maronites to France, which was propagated by Catholic missionaries, warming pro-French sympathies among local Christians, became widespread. At the same time, in relation to the

Druze and Sunni Muslims, the French, as a rule, showed disbelief and dislike. French cultural influence in Ottoman Lebanon strengthened confessionalism and estrangement between communities, contributing not so much to the penetration of European ideas and knowledge, but rather to the strengthening of a sense of exclusivity among the Maronite Christians who hoped for protection from France.

Keywords: France, Lebanon, Syria, Ottoman Empire, Maronites, Druze, intervention